

УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-53-60

Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка

Г. А. Натуральнова

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Российская Федерация
mitjunina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье рассматриваются структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка. Исследование диалектных устойчивых сочетаний актуально, поскольку в них содержится разнообразная информация о местных обычаях, трудовом опыте, быте, материальной культуре, духовной жизни мордвы.

Цель статьи: исследовать фрагмент диалектной фразеологии на материале именных фразеологизмов шокшанского диалекта эрзянского языка, проанализировать их структурно-семантические особенности.

Материалы исследования: материалом для исследования послужили фразеологические единицы шокшанского диалекта эрзянского языка. Основным методом является структурно-семантический анализ, который применяется для определения структуры и содержания именных фразеологизмов.

Результаты и научная новизна: диалектная фразеология мордовских (мокшанского и эрзянского) языков исключительно богата и разнообразна, однако до настоящего времени она остаётся теоретически и лексикографически не разработанной. В данной статье предпринята попытка рассмотреть фразеологические единицы шокшанского диалекта в структурном и семантическом аспектах, проведён сравнительный анализ диалектного материала с фразеологизмами эрзянского литературного языка, выявлены семантические типы фразеологических единиц, свойственные для шокшанского диалекта.

Ключевые слова: эрзянский язык, шокшанский диалект, диалектная фразеология, фразеологическая единица, именная фразеологизм.

Для цитирования: Натуральнова Г. А. Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 53–60.

The structural and semantic features of the nominal phraseological units in the Shoksha dialect of the Erzya language

G. A. Naturalnova

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseveva,
Saransk, Russian Federation,
mitjunina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the structural and semantic aspects of the nominal phraseological units in the Shoksha dialect of the Erzya language. The study of dialect stable combinations is relevant because they contain different information about local customs, work experience, everyday life, material culture and spiritual life of the Mordovians.

Objective: to research a fragment of dialect phraseology on material of the nominal phraseological units of the Shoksha dialect of the Erzya language and to analyze their structural and semantic features.

Research materials: the phraseological units of the Shoksha dialect of the Erzya language. The main method is the structural and semantic analyses used for determination of structure and content of the nominal phraseological units.

Results and novelty of the research: dialect phraseology of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages is exceptionally rich and diverse, but at the same time it remains theoretically and lexicographically undeveloped. In this article we attempted to examine the phraseological units of the Shoksha dialect in structural and semantic aspects. The comparative analysis between the dialect material idioms and the Erzya literary language was given. The semantic types of the phraseological units typical for the Shoksha dialect were identified.

Key words: the Erzya language, the Shoksha dialect, dialect phraseology, phraseological unit, nominal phraseological unit.

For citation: Naturalnova G. A. The structural and semantic features of the nominal phraseological units in the Shoksha dialect of the Erzya language // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2019; 9(1): 53–60.

Введение

Фразеологические единицы (ФЕ) составляют неотъемлемую часть мордовских языков, репрезентируют особенности мировосприятия и культурные традиции, содержат мифологические представления, воспроизводят систему нравственных ценностей эрзи и мокши.

Фразеология мордовских языков в достаточной степени изучена. Богатейший пласт устойчивых сочетаний, употребляющихся в литературных языках, представлен во «Фразеологическом словаре эрзянского языка» Р. С. Ширманкиной [9] и «Фразеологическом словаре мокшанского языка» Н. А. Кулаковой, В. Ф. Рогожиной [4].

Большую часть фразеологии мордовских национальных языков составляет диалектная фразеология, которая создаётся и живёт в речи народных масс. Именно она является основой фразеологии литературных языков. Отличительной её чертой является присущая ей ярко выраженная образно-эмоциональная оценка действий, качеств предметов, уже имеющих в языке свои наименования.

Диалектный фразеологический состав исключительно богат и разнообразен. Однако в мордовском языкознании данный пласт остаётся теоретически и лексикографически не разработанным. Следует отметить, что до сих пор нет словаря современных мокшанских и эрзянских говоров, который мог бы дать некоторое представление и об их фразеологии. На данный момент мордовская диалектологическая наука имеет лишь словарь «*Mordwinische Wörterbuch*» («Мордовский словарь») – богатейший источник живой разговорной речи эрзянского и мокшанского языков рубежа IX–XX веков, материалы которого были собраны под руководством финского учёного Х. Паасонена (H. Paasonen) [13; 14; 15; 16]. Представленная в данном лексикографическом издании фразеология, отражающая внутренний мир эрзи и мокши прошлого столетия, также остаётся не исследованной.

Впервые к рассмотрению диалектных фразеологических единиц эрзянского языка (их семантики, состава, происхождения, ареала

распространения) обратилась Р. С. Ширманкина в статье «Эрзянские говоры и фразеологизмы» (2000). В ней автор говорит о необходимости изучения диалектных фразеологизмов, поскольку они содержат разнообразную информацию о местных обычаях, трудовом опыте, быте, материальной культуре, духовной жизни народа; в этом плане они представляют интерес для этнографов, историков, фольклористов. В то же время исследователь подчёркивает, что их освоение важно для понимания истории языка, так как в структуре многих фразеологических единиц сохранились архаичные лексические, морфологические и фонетические явления, отсутствующие в литературном языке [10, 179].

В последнее время в мордовском языкознании появляются статьи, в которых на материале диалектной речи рассматриваются отдельные семантические группы фразеологизмов, например, работы Богдашкиной С. В. [1], Рогожиной В. Ф. [8], Кулаковой Н. А. [3] и др.

Таким образом, изучение диалектных фразеологизмов важно как для языкознания, так и лингвокультурологии и этнолингвистики, поскольку данные языковые единицы обладают характерными особенностями экспрессивного вторичного наименования фрагментов действительности, обусловленных национально-культурным своеобразием. Большинство фразеологизмов в говорах служит, для того чтобы экспрессивно характеризовать, оценивать какие-либо факты, явления, качества человека, отношения людей, нравственные установки и т. п. В состав фразеологизма в образной форме может быть включён элемент местного явления, традиции, обычая, процесса труда, предмета быта, характерный для представителей того или иного говора и отображающийся в семантике данных образных выражений.

Следует отметить и то, что шокшанские говоры среди диалектов эрзянского языка занимают особое положение: территориально находящийся в отрыве от эрзянского языка и активно взаимодействующий с русскими и мокшанскими народными говорами шокшанский диалект столетиями развивался самостоятельно

и приобретал характерные языковые черты. Его лексическое богатство остаётся до настоящего времени в полной мере не исследованным [6; 7], фразеология шокшанского диалекта вообще не являлась предметом специального анализа.

Материалы и методы

В статье рассматривается фрагмент диалектной фразеологии на материале именных фразеологизмов шокшанского диалекта эрзянского языка, проанализированы их структурно-семантические особенности, выяснены, какие из фразеологических единиц являются общеупотребительными, какие – специфическими для рассматриваемого диалекта. При исследовании устойчивых сочетаний в говорах использовались следующие методы: полевой (сбор диалектного материала), сравнительный (сравнение единиц литературного языка и диалекта), структурно-семантический анализ (классификация изучаемых единиц на основе структурно-семантических особенностей).

Результаты

Именные фразеологизмы с точки зрения семантики и грамматики соотносятся с именами существительными. Типичными для них синтаксическими функциями оказываются функции подлежащего, дополнения, составного именного сказуемого.

В структурном плане именные фразеологизмы шокшанского диалекта, чаще состоят из двух, реже трёх компонентов. В зависимости от соотносённости составляющих их компонентов к определённой части речи именные фразеологизмы можно распределить по следующим моделям:

1. **Существительное + существительное:** *nolgu uća* ‘не совсем умный человек в силу своей молодости и неопытности’, *tétaka léks* ‘ребёнок, внешне и по характеру похожий на отца’, *urdaz morga* ‘неряха’, *ńerva pize* ‘нервный человек; капризный ребёнок’, *kež morga* ‘злой человек’, *zolota keđ* ‘о трудолюбивом и умелом человеке’, *višks čama* ‘бессовестный человек’ и другие.

В структурном плане сочетания типа существительное + существительное (в том числе и устойчивые) представляют интерес для мордовского языкознания. До сих пор нет одно-

значного решения в их определении: считать их сложными словами и писать слитно или словосочетаниями с атрибутивным значением и писать раздельно. Так, в словаре «Вейсэ, башка, тешкс вельде» [2] и «Орфографическом словаре эрзянского языка» [11] многие такие формы пишутся слитно, ср.: *ловшушмо* ‘сугроб’, *письмаркудо* ‘скворечник’, *тумолопа* ‘дубовый лист’. В учебнике «Эрзянь кель. Синтаксис» [12] с целью показа характера связи между словами подобные сочетания пишутся отдельно. Мы последуем данному источнику, поскольку нам важно отразить образность как целой фразеологической единицы, так и его компонентов в отдельности.

2. **Прилагательное + существительное.** Существительное может сочетаться с относительным прилагательным: *keviń šedij* ‘бессердечный человек’, *čuftuń keđ* ‘рассеянный человек, у которого всё валится из рук’, *ošuń bojarava* ‘разнаряженная женщина’, *pińiń kurga* ‘язвительный человек; скандалист’.

С компонентом – качественным прилагательным устойчивых сочетаний намного больше, поскольку они выражают различные признаки, ср.: *vaču vérgis* ‘голодный человек’, *novla karás* ‘лентяй, лодырь’, *maz eǵe* ‘о высокомерном человеке’, *lambama kurga* ‘о человеке, который привередливо относится к еде’, *šava pǵa* ‘о немном человеке’, *piže kapsijeǵ* ‘об очень замёрзшем человеке’ и другие.

3. **Существительное + субстантивированное причастие:** *kuduń žové* ‘о человеке, неаккуратно, небрежно относящемся к одежде, мебели’, *pińiń bečke* ‘о бесшабашном человеке’, *šedij-maksuń košte* ‘о человеке, который заставляет переживать о себе’, *ńervań zeve* ‘о человеке, испытывающем чьё-то терпение’, *preń diře* ‘о младшем ребёнке в семье, который впоследствии будет ухаживать за престарелыми родителями’. Здесь можно рассматривать трёхкомпонентные фразеологические единицы с опорным словом – субстантивированным причастием: существительное + послелог + субстантивированное причастие: *oža potsa tirǵfka* ‘о человеке, которого всю жизнь лелеяли’; прилагательное + существительное + субстантивированное причастие: *šava keskafsa stukadiǵfka* ‘о недалёком человеке’.

4. **Причастие + существительное:** *aǵiž kurga* ‘разиня’, *pidiž saras* ‘о нерасторопном человеке’, *vel uća* ‘непоседа’.

Следует отметить, что структура рассмотренных именных фразеологизмов имеет некоторые отличия от структуры фразеологизмов эрзянского литературного языка. Во-первых, в литературном языке доминируют фразеологические единицы второго типа. В шокшанском диалекте широко используются ФЕ с компонентами – существительными. Во-вторых, во «Фразеологическом словаре эрзянского языка» мы обнаружили лишь три фразеологизма с опорным компонентом – субстантивированным причастием: *аволь ленгесэ стазь (кодазь)* ‘не хуже других; о том, у кого есть сила, сноровка, ум’ [9, 11], *чаво мешоксо вачкодезь* ‘глупый’ [9, 200], *чаво сювасо а манявиця* ‘умный, рассудительный’ [9, 201]. В шокшанском диалекте модель *существительное + субстантивированное причастие* достаточно продуктивна. Видимо, для носителей шокшанского диалекта важен человек как деятель.

Проанализировав диалектный материал с семантической точки зрения, мы пришли к выводу, что среди именных фразеологизмов многочисленны единицы, дающие разностороннюю характеристику человека. И это закономерно, поскольку, имея ярко выраженную коннотацию, они раскрывают психо-физическое и эмоциональное состояние человека. Чаще всего оценка является неодобрительной, а в некоторых ФЕ резко отрицательной. По этому поводу В. М. Мокиенко заметил, что «народный живой язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [5, 48].

Итак, именные фразеологизмы шокшанского диалекта, характеризующие человека, можно распределить по следующим семантическим группам.

1. Фразеологические единицы, характеризующие человека с точки зрения его умственных способностей.

В данную группу входит один фразеологизм с положительной окраской: *valda prév* ‘умный человек’ (букв.: светлый ум).

Остальные фразеологизмы имеют отрицательную коннотацию: *peľ brév* ‘глупый человек’ (букв.: половина ума), *šava prá* ‘глупый человек’ (букв.: пустая голова), *durak prá* ‘дурак’ (букв.:

дурная голова), *prev morga* ‘умник’ (букв.: комок ума), *šava keskafsa stukadifka* ‘глупый, недалёкий человек’ (букв.: пустым мешком ударенный), *nolgu uša (tula)* ‘не совсем умный человек в силу своей молодости и неопытности’ (букв.: сопливая овца (затычка)).

Все фразеологизмы в основном строятся на основе метафорического или метонимического переноса. Примечателен фразеологизм *prev morga* ‘умник’ (букв.: комок ума), который имеет ироническую окраску. Компоненты, составляющие ФЕ, по отдельности имеют положительную оценку, но в данном устойчивом сочетании они, напротив, характеризуют человека, который умничает, старается выказать свой ум или даже хитрит, выискивая себе выгоду.

2. Фразеологические единицы, характеризующие внешний облик человека.

Их можно разделить на следующие подгруппы, в зависимости от тех условий, влияющих на внешнюю характеристику человека:

а) физические особенности строения: *keptir beke* ‘полный человек’ (букв.: живот-кошёлка), *golta piľe* ‘человек, имеющий растопыренные уши’ (букв.: голое ухо), *šidna piľe* ‘нескладный человек маленького роста’ (букв.: гнездо сидней), *polgar šelme* ‘пучеглазый’, *šepel geľ* ‘шепелявый’;

б) одежда: *ošun bojarava* ‘разнаряженная девушка, женщина’ (букв.: городская барыня);

в) условия окружающей среды: *piže kapšijeľ* ‘об очень замёрзшем человеке’ (букв.: зелёная кочерыжка).

3. Фразеологические единицы, отражающие характер и поведение человека.

Это семантическая группа наиболее многочисленная.

К фразеологизмам с положительной оценкой можно отнести: *čefte šedij* ‘добросердечный человек’ (букв.: мягкое сердце), *šoždije ked* ‘об удачливом человеке’ (букв.: лёгкая рука).

Остальные фразеологические единицы имеют негативную окраску. Они порицают такие черты характера человека, как:

1) злость и жестокость: *kež morga* ‘злой человек’ (букв.: комок зла), *kevin šedij* ‘жестокосердый человек’ (букв.: каменное сердце), *piini kurga* ‘язвительный человек; скандалист’ (букв.: собачий язык);

2) неаккуратность / неряшливость (при приёме пищи и т. п.): *urdaz morga* ‘грязнуля’ (букв.: комок грязи), *kuduň žove* ‘о человеке,

неаккуратно, небрежно относящемся к одежде, мебели' (букв.: трущий дом), *kalada (vařav) kurga* 'о человеке, который неаккуратно ест' (букв.: дырявый рот), *vaçu verǵis* 'о человеке, который с жадностью набрасывается на еду' (букв.: голодный волк), *maze kurga* 'о человеке, который избирателен в пище' (букв.: красивый рот);

3) высокомерие: *maz erǵe* 'высокомерный человек' (букв.: красивая бусина);

4) хвастовство: *hvalbun niščij* 'хвастливый человек' (букв.: нищий хвастун);

5) бессовестность: *višks čama* 'бессовестный человек' (букв.: стыдливое лицо);

6) невнимательность, рассеянность: *afiiž kurga* 'разиня' (букв.: раскрытый рот);

7) неуравновешенность: *herva pize (komok)* 'нервный человек; капризный ребёнок' (букв.: гнездо (комок) нервов);

8) болтливость: *kuvaka keļ* 'болтливый человек' (букв.: длинный язык), *vařav kurga* 'болтливый человек; человек, не умеющий хранить тайны' (букв.: дырявый рот).

9) рассеянность: *kalada p̄ra* 'о том, кто всё забывает' (букв.: дырявая голова).

4. Фразеологизмы, характеризующие человека по его отношению к труду.

Фразеологизму с положительной коннотацией *zolota keđ* 'умелый человек' (букв.: золотая рука) противопоставлены устойчивые сочетания *novla kařas* 'лодырь, лентяй' (букв.: ленивая спина), *čufuñ keđ* 'о человеке, у которого всё валится из рук' (букв.: деревянная рука), *p̄idiž saras* 'о нерасторопном человеке' (букв.: варёная курица).

5. Фразеологические единицы, отражающие отношения человека в семье и коллективе.

Семейные отношения отражены во фразеологизмах: *očkuñ nardafks* 'о младшем ребёнке в семье' (букв.: остатки с корыта), *teřaka (avaka) ľeks* 'ребёнок, внешне и по характеру похожий на отца (мать)' (букв.: отцов (мамин) детёныш), *oža potsa tiřafka* 'о человеке, которого всю жизнь лелеют родители' (букв.: выращенный в рукаве), *zaraza ľeks* 'о ребёнке в ругательной форме' (букв.: детёныш-зараза), *p̄reñ diře* 'о младшем ребёнке в семье, который впоследствии будет ухаживать за престарелыми родителями' (букв.: о голове заботящийся).

Фразеологизмы *hervañ zeve* 'о человеке, который испытывает чьё-то терпение, треплет нервы' (букв.: съедающий нервы), *šedij-maksuñ*

košće 'о человеке, заставляющем переживать о себе' (букв.: сушащий ливер) характеризуют отношения человека не только в семье, но и в любом коллективе.

Фразеологизм *p̄iže nar* 'неопытный по молодости' (букв.: зелёная трава) обычно характеризует ребёнка, подростка, который не имеет сноровки в играх.

Среди именных фразеологизмов, кроме рассмотренных выше, выделяется небольшая группа устойчивых сочетаний с опорным компонентом *tev* 'дело', дающих качественную характеристику каким-либо событиям, ситуациям: *stakuñ tev* 'пустяковое дело' (букв.: обычное дело), *tev aražde tev* 'пустяковое дело' (букв.: дело без дела), *at meľaftumañ tev* 'дело, событие, из-за которого не стоит переживать', *čudañ teft* 'дело, событие, ставшее посмешищем' (букв.: чудные дела).

Сравнив именные фразеологические единицы в шокшанских говорах с устойчивыми сочетаниями эрзянского литературного языка, пришли к выводу, что все они выражают различные признаки, характерные человеку, в них приветствуются одни и порицаются другие черты характера человека.

В составе фразеологических единиц шокшанского диалекта по отношению к литературному языку можно выделить следующие группы устойчивых сочетаний:

1. Общеупотребительные фразеологические единицы, встречающиеся и в литературном языке, и в говорах, имеющие одинаковый лексический состав, например: э. л. *валдо прев* – ш. д. *valda p̄rev* 'умный человек', э. л. *кевень седей* – ш. д. *keviñ šedij* 'жестокосердый человек', э. л. *нолго туло* – ш. д. *polgu tula* 'не совсем умный человек в силу своей молодости и неопытности', э. л. *стякось теv* – ш. д. *stakuñ tev* 'пустяковое дело', э. л. *тетяка левкс* – ш. д. *teřaka ľeks* 'ребёнок, внешне и по характеру похожий на отца' и другие.

2. Фразеологические единицы, различающиеся компонентным составом (могут иметь в своём составе фонетические либо лексические диалектизмы): э. л. *виськстэме сельме* – ш. д. *višks čama* 'бессовестный человек', э. л. *кискань курго* – ш. д. *p̄iñiñ kurga* 'язвительный человек; скандалист', э. л. *сырнень кедь* – ш. д. *zolota keđ* 'умелый человек', э. л. *чаво пря* – ш. д. *šava p̄ra* 'глупый человек', э. л. *чаво мешоксо вачкодезь* – ш. д. *šava keskařsa stukadiřka* 'глупый, недалёкий человек' и другие.

3. Фразеологические единицы, имеющие одинаковый компонентный состав, в шокшанском диалекте употребляющиеся в другом значении, ср.: э. л. *варяв курго* 'болтливый человек' – ш. д. *vařav kurga* 'о человеке, который неаккуратно ест', э. л. *чудань тевть* 'дело, считающееся чудом' – ш. д. *čudaň teft* 'дело, событие, ставшее посмешищем'.

4. Фразеологические единицы, которые употребляются только в шокшанском диалекте, например: *pidiž saras* 'о нерасторопном человеке', *urdaz morga* 'грязнуля', *kuduň žovė* 'о человеке, неаккуратно, небрежно относящемся к одежде, мебели', *šedij-maksuň košte* 'о человеке, который заставляет переживать о себе', *očkuň nardafks* 'о младшем ребёнке в семье', *maz erge* 'высокомерный человек' и другие. Они раскрывают национальный характер мордвы-шокши. Отражают те качества, которые ценятся носителями шокшанского диалекта: ум, аккуратность в любом деле, бережные, внимательные отношения в семье, доброту, совестливость, трудолюбие и пр.

Обсуждение и заключение

В заключение следует отметить, несмотря на то, что шокшанские говоры в условиях близкого соседства с русским и мокшанским языками испытывают их влияние, диалектный язык хранит самобытность. В то же время пополняется новыми фразеологическими единицами, передающими образные представления, основанными на местной конкретной обстановке, отражающей быт, труд и характер мордвы-шокши. Диалектная фразеология делает речь носителей говоров образной, яркой и эмоциональной. В структурном плане фразеологизмы шокшанского диалекта чаще всего состоят из двух, реже трёх компонентов. С семантической точки зрения выявлено, что среди именных фразеологизмов большое количество ФЕ, дающих разностороннюю характеристику человека. Чаще оценка является неодобрительной и даже отрицательной, так как положительная характеристика считается нормой.

Список источников и литературы

1. Богдашкина С. В. Фразеологизмы со значением качественной оценки человека в мокшанском языке (ареальный аспект) // 45-е Евсевьевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. С. 73–75.
2. Вейсэ, башка, тешкс вельде = Слитно, отдельно, через дефис: словарь. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 143 с.
3. Кулакова Н. А. Фразеологические обороты, характеризующие человека, его поведение и личностные качества, в мокшанском языке // Вестник ЧПГУ им. И. Я. Яковлева. Филологические науки. 2015. № 2. С. 85–91.
4. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс = Фразеологический словарь мокшанского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 200 с.
5. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2005. 256 с.
6. Натуральнова Г. А. Фонетические особенности русских заимствований в шокшанском диалекте эрзянского языка (на материале шокшанских говоров Теньгушевского района) // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 38–45.
7. Натуральнова Г. А. Уличные фамилии мордвы-шокши (лексико-семантический анализ) // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 2. С. 118–122.
8. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 70–78.
9. Ширманкина Р. С. Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь = Фразеологический словарь эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 216 с.
10. Ширманкина Р. С. Эрзянские говоры и фразеологизмы // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Красный октябрь, 2000. С. 179–183.
11. Эрзянь кельень орфографиянь валкс = Орфографический словарь эрзянского языка. Саранск: [б.и], 2012. 312 с.

12. Эрзянь кель. Синтаксис = Эрзянский язык. Синтаксис / Н. А. Агафонова, Р. А. Алешкина, Г. Ф. Беспалова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 208 с.
13. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Vol. 1: A–I. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1990. 557 s.
14. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Vol. 2: K–M. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1992. S. 558–1305.
15. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Vol. 3: N–R. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1994. S. 1306–1927.
16. Paasonen H. Mordwinische Wörterbuch. Vol. 4: S–Ž. Helsinki: Société Finno-Ougrienne. 1996. S. 1927–2703.

References

1. Bogdashkina S. V. *Frazeologizmy so znacheniem kachestvennoj ocenki cheloveka v mokshanskom jazyke (areal'nyj aspekt)* [Phraseological units with qualitative assessment of a person in the Moksha language (the areal aspect)]. *45-e Evsev'evskie chtenija: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [The 45th Readings of M. E. Evsev'ev: materials of All-Russian scientific practical conference]. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute Publ., 2010. pp. 73–75. (In Russian)
2. *Vejse, bashka, teshks vel'de = Slitno, razdel'no, cherez defis: slovar'* [Together, separately, hyphenated: dictionary]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2002. 143 p. (In Erzya)
3. Kulakova N. A. *Frazeologicheskie oboroty, harakterizujuwie cheloveka, ego povedenie i lichnostnye kachestva, v mokshanskom jazyke* [Phraseological phrases characterizing a person's behavior and personal qualities in the Moksha language]. *Vestnik CHPGU im. I. Ja. Jakovleva. Filologicheskie nauki* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. Philological sciences], 2015, no. 2, pp. 85–91. (In Russian)
4. Kulakova N. A., Rogozhina V. F. *Mokshen' kjalen' kevonzaf valsjulmon' valks = Frazeologicheskij slovar' mokshanskogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Moksha language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2013. 200 p. (In Moksha)
5. Mokienko V. M. *V glub' pogovorki. Rasskazy o proishozhdenii krylatyh slov i obraznyh vyrazhenij* [Into the depth of a saying. Stories about the origin of catch phrases and figurative expressions]. Saint-Petersburg: Azbukaklassika, Avalon Publ., 2005. 256 p. (In Russian)
6. Naturalnova G. A. *Foneticheskie osobennosti russkih zaimstvovanij v shokshanskom dialekte erzjanskogo jazyka (na materiale shokshanskih govorov Ten'gushevskogo rajona)* [Phonetic features of Russian borrowings in the Shoksha dialect of the Erzya language (based on the Shoksha dialects of Tengushevsky District)]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2015, no. 2, pp. 38–45. (In Russian)
7. Naturalnova G. A. *Ulichnye familii mordvy-shokshi (leksiko-semanticheskij analiz)* [Mordva-Shoksha street surnames (lexical and semantic analysis)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and education], 2016, no. 2, pp. 118–122. (In Russian)
8. Rogozhina V. F. *Funkcionirovanie frazeologizmov v mokshanskoj razgovornoj rechi i ih semanticheskaja gruppировка* [Functioning of phraseological units in the Moksha spoken language and their semantic grouping]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 2, pp. 70–78. (In Russian)
9. Shirmankina R. S. *Frazeologijan' valks: Kemekstavoz' merevksen' = Frazeologicheskij slovar' erzjanskogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Erzya language]. Saransk: Mordov. knish. izd-vo Publ., 1998. 216 p. (In Erzya)
10. Shirmankina R. S. *Erzjanskije govory i frazeologizmy* [Erzya dialects and phraseological units]. *Finno-ugristika na poroge III tysjacheletija (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* [Finno-Ugric studies at the turn of the III Millennium (philological sciences): materials of the II All-Russian scientific conference of the Finno-Ugric scholars]. Saransk: Krasnyj oktyabr' Publ., 2000. pp. 179–183. (In Russian)
11. *Erzjan' kelen' orfografijan' valks = Orfograficheskij slovar' erzjanskogo jazyka* [Orthographic dictionary of the Erzya language]. Saransk: [w/p], 2012. 312 p. (In Erzya)
12. *Erzjan kel. Sintaksis = Erzjanskiy yazyk. Sintaksis: uchebnik* [Erzya language. Syntax: textbook]. Ed. by D. V. Tsygankin. Saransk: Izdatelstvo mordovskogo universiteta Publ., 2011. 208 p. (In Erzya)
13. Paasonen H. *Mordwinische Wörterbuch. Vol. 1: A–I.* Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1990. 557 p. (In German)
14. Paasonen H. *Mordwinische Wörterbuch. Vol. 2: K–M.* Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1992. pp. 558–1305. (In German)

15. Paasonen H. *Mordwinische Wörterbuch. Vol. 3: N–R.* Helsinki: Soci t  Finno-Ougrienne, 1994. pp. 1306–1927. (In German)

16. Paasonen H. *Mordwinische W rterbuch. Vol. 4: S–Ž.* Helsinki: Soci t  Finno-Ougrienne, 1996. pp. 1927–2703. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Натуральнова Галина Андреевна, доцент кафедры родного языка и литературы, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (430007, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А), кандидат филологических наук.

ORCID ID: 0000-0003-4099-5738

mitjunina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Naturalnova Galina Andreevna, Associate Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseveva (430007, Saransk, Russian Federation, Saransk, Studencheskaya st., 11A), Candidate of Philological Sciences.

ORCID ID: 0000-0003-4099-5738

mitjunina@mail.ru